

УДК 94(47).027

ДЕСТРУКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ В ИСТОРИИ РОДОВОГО ЕДИНСТВА РЮРИКОВИЧЕЙ XII–XIII ВЕКОВ

© 2020 г.

А.А. Кузнецов

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

nalbuz@mail.ru

Поступила в редакцию 12.05.2020

Рассматриваются вопросы осознания князьями Древней Руси единства своего рода и исключения из политической практики идеи убийства князя. Применительно к периоду раздробленности домонгольской Руси рассмотрены факторы, подрывавшие это родовое единство потомков Рюрика. Первый фактор связан со сменой поколений князей в интервале 25–30 лет, отношений князей разных поколений. Рассмотрены методические и источниковые трудности изучения этого фактора. Второй фактор связан с наличием у ряда князей сыновей от двух браков. Дети от второго брака были не только единокровными братьями старших, но принадлежали к следующему поколению. Данные проблемы представлены преимущественно на основе истории Северо-Восточной Руси в XII–XIII вв.

Ключевые слова: Рюриковичи, родовое единство, поколение, единокровные братья, неприятие убийства, Древняя Русь, Северо-Восточная Русь, Юрий Долгорукий, Андрей Боголюбский, Всеволод Большое Гнездо.

В настоящей статье отразились материалы, связанные с исследованием генеалогического фактора в политической истории Руси XII–XIII вв.: доклад на конференции «Русь, Россия: Средневековье и Новое время» и публикация в сборнике по итогам конференции [1], выступление на семинаре по терминологии родства в средневековых источниках в Нижегородском государственном университете. Исследовательская идея заключается в рассмотрении двух факторов, деструктивно влиявших на родовое единство князей Древней Руси эпохи раздробленности. Бреши (разрывы) в этом сообществе порождались *временным и мировоззренческим различиями действовавших поколений и противоречиями между сыновьями того или иного князя от его разных браков*. В историографии практически не обращалось внимания на эти феномены, которые относятся более к историко-антропологической сфере и соотносятся с проявлением субъективного фактора. Статья построена в основном на сведениях по истории Северо-Восточной Руси.

Уже во второй половине IX в. процесс политогенеза в Восточной Европе обрёл явные черты, и связанной с ним оказалась кристаллизация идеи династии. Она проявилась уже в сцене с убийством Аскольда и Дира, где ключевым оказался выход Олега «роду князя» с Игорем «сыном Рюриковым» на руках [2, стб. 23; 3, стб. 16]. Окончательно эта идея восторжествовала спустя столетие, когда с 980 г. (примерно) по 1015 г. – время княжения Владимира Святославича – был форсирован процесс физического

устранения местных княжеских династий в разных землях [4, с. 22]. Утвердившаяся династия Рюриковичей – уже численно разросшаяся в эпоху раздробленности XII–XIII вв. – всё-таки скреплялась доктриной коллективной власти над восточноевропейскими землями и представлением об общеродовом владении Русью (они описаны ещё С.М. Соловьёвым) [4, с. 23–25, 100]. Эти представления не проецировались историками на морально-этическую составляющую бытия и деятельности Рюриковичей в XI–XIII вв., существования определённого этоса в их среде, хотя некоторые их аспекты были уловлены.

Д.С. Лихачёв в работе 1958 г. писал: «Постоянные раздоры в среде князей не мешали их сплоченности по отношению ко всем не князьям, в том числе и к другим представителям класса феодалов» [5, с. 49]. Выводя за «скобки» цитаты феодально-классовую причину солидарности Рюриковичей в домонгольское время, необходимо, вслед за Лихачёвым, отметить единство княжеской среды как таковое. Перенос его в плоскость неписанного поведенческого кодекса, можно выдвинуть тезис об активном неприятии древнерусскими князьями убийства кого-либо из них в результате заговора, умысла – допускалась лишь гибель князя в сражении. Любое другое убийство князя – это уже преступление. Даже Владимир Святославич, призывая воеводу Ярополка Блуда изменить своему князю, оправдывал себя и заранее предательство Блуда тем, что «не я(азь) бо почал братию бити[,] но он[,] азь же того убо-

яхь(вь)ся» [2, стб. 76; 3, стб. 64]. Такое осторожное поведение решительного Владимира-язычника, превращение Ярополка в объект возмездия за его преступление демонстрируют неприятие намеренного убийства среди Рюриковичей уже тогда. Для его совершения, наверное, надо было выставить потенциальную жертву вне рядов Рюриковичей, превратить во врага в значении «отверженный, тот, кто извержен из рода, наводит беду на всех остальных» [6, с. 70]. Последняя семантическая доля значения «враг» отличает его от слова «изгой» в значении «отщепенец, лишенный рода насильно» [6, с. 184], «лишённый потомственного обеспечения жизни» [7, с. 235].

После крещения Руси отторжение физического устранения любого князя было обосновано и усилено христианской аксиологией. Свидетельством тому является многовековая реакция на убийства Бориса, Глеба и Святослава в 1015 г. Её усиленным эхом станет подобная оценка трагедии в Исадах в 1217 г. [2, стб. 439–440; 8, с. 58]. Убийцы – Глеб и Константин – были исторгнуты, подобно Святополку Окаянному, из княжеской среды. Убийству князя Игоря Ольговича разъярённой толпой киевлян 19 сентября 1147 г. пытался противодействовать Владимир Мстиславич, брат Изяслава – главного противника жертвы [2, стб. 316–318; 3, стб. 349–352]. Более активная диффамация происходила по отношению к княжеским убийцам из других социальных слоёв. Казнены были бояре (не виновные князя!), причастные к ослеплению в 1097 г. Василька Ростиславича [2, стб. 268; 3, стб. 243]. В свете этих рассуждений можно непривычно взглянуть на обвинение, брошенное в адрес смоленских князей Андреем Боголюбским в 1173 г. Ростиславичи не хотели выдать ему Григория Хотовича, Степанца и Олексу Святословца, «яко те суть умориле брата моего Глеба, а то суть ворозе всимъ намъ» [3, стб. 569]. Смоленским князьям предъявлялось обвинение в укрывательстве убийц князя Глеба Юрьевича, означавшее и отступление Ростиславичей от неписанного закона неприятия убийства князя. Поэтому они и отреагировали крайне бурно и непропорционально буйно. В 2015 г. была обнаружена надпись, проклинаящая (церковное проклятие) поимённо убийц Андрея Боголюбского [9] (если только эта надпись не является поздним текстом [10, с. 53–54]).

Очевидно, что такая особенность княжеского этоса зиждилась на представлении о Рюриковичах как родственниках, «единого деда внуках». Природа же политической борьбы предопределяла изошрённо жёсткие/жестокое действия по нейтрализации соперников-родствен-

ников, сохранявшие им жизнь. Оставаясь в рамках этого правила, противника можно было ослепить, как это было в 1097 г. Так же поступил и Всеволод Юрьевич (Большое Гнездо) в 1177 г. по отношению к своим племянникам, пленённым в битве на Колокше. Хотя в летописании проводится мысль (видимо, не без влияния великого владимирского князя Всеволода Юрьевича) о том, что ослепление было имитировано под давлением восставших владимирцев, всё же косвенные обстоятельства позволяют утверждать реальность экзекуции [11, с. 178–179; 12, с. 126; 13]. Такая расправа, обеспечивавшая сохранение княжеской жизни, ставит вопрос об обстоятельствах, которые могли бы позволить князьям пренебрегать ценностью родственных отношений или минимизировать её.

Важным фактором, подрывающим целостность рядов князей домонгольской Руси, стали накладывавшиеся друг на друга волны поколений. Счёт времени поколениями известен в разных культурах с глубокой древности. Длительность поколения достигает примерно 30–35 лет, что определяется разницей между отцом и детьми в 30–35 лет, а между матерью и детьми – в 25–30. Поскольку продолжительность жизни, в данном случае князей, была больше, то поколенческое 30-летие надо определить как плато пика социокультурной деятельности человека. Однако определение начальной точки истории того или иного поколения, его разграничений с предыдущей генерацией «отцов» и последующей волной «детей» для истории рода Рюриковичей в XII–XIII вв. встречает ряд трудностей. Их надо преодолевать, поскольку поколение – это не группа хронологически определяемых ровесников, но плеяда акторов со схожими взглядами, манерой действий и пр. Задача маркирования поколений в древнерусской истории ждёт своего исследования. И это при том, что нет чётких границ поколений: одно завершилось, другое начинает свой путь [14, с. 102–103].

Опираясь на опыт новейшей истории, можно сказать, что и здесь определение границ поколения происходило почти интуитивно – «дети Двадцатого съезда», «поколение шестидесятников». Историк Марк Блок писал о разделении своего и последующего поколений «делом Дрейфуса». С академических позиций по данному вопросу рассуждал Ю.М. Лотман. Выделение им особой эпохально-возрастной когорты «декабристов», включавшей и «отцов» («людей 1812 года» [15, с. 314–330]), и «детей» по возрасту, стало возможным благодаря реконструкции определённого набора поведенческих и знаковых характеристик (Ю.М. Лотман рассуждал в рамках категориальной семиотической

последовательности: жест – поступок – поведенческий текст; что, впрочем, согласуется с тезисом о социокультурной составляющей понятия «поколение»). И высшим проявлением, и завершением (по крайней мере, на европейской части России) деятельности этого поколения стали восстание декабря – января 1825/1826 г. и последовавшая расправа [15, с. 331–384]. Данная исследовательская процедура стала возможной по причине использования поколенческой мерки в истории литературы как значительной и представительной части культуры. Тексты как индикаторы литературного развития позволяют ощущать культурный дух поколенческой эпохи. Так или иначе, в Новое и Новейшее время крупные и значимые события определяют рубежи того или иного поколения. Выявление подобных потрясений для раздробленной Руси проблематично.

Природа письменных источников той эпохи, прежде всего летописей, осложняет решение этой задачи. Летописцы подвергали фиксируемые ими события определённой интерпретации (см. по этому поводу работы И.Н. Данилевского [16–18]), что придавало им дополнительный смысл или могло устранять важные для понимания факта обстоятельства и детали. Сам по себе отбор тех или иных событий был сознательным актом летописца, а мотивы его селекции зачастую оказываются непонятными для исследователей. Уверенно можно говорить о влиянии христианско-церковной «оптики» на запись и репрезентацию событий в летописании. В эпоху раздробленности новгородские и владими́ро-ростовские летописцы (по другим традициям таких текстологических и источниковедческих исследований не проводилось) предпочтению отдавали своей локальной истории [19, с. 142–150; 20]. При общей схожести подходов и предпочтений книжников-историков Северо-Восточной и Северо-Западной Руси различия в организации текстов о произошедших делах всё-таки заметны. Поэтому трудно выявить то или иное событие, которое могло быть знаково-определяющим для группы Рюриковичей на всём древнерусском политическом пространстве. К этому надо добавить и фактор информационно-пространственной разреженности в XII–XIII вв., когда при максимально возможной скорости в 30 км/ч известие должно было пройти огромное расстояние (например, от Киева до Владимира, как это было в 1223 г. накануне и во время битвы на Калке), пережив интерпретационные трансформации. И, например, то, как воспринимали ослепление Всеволодом племянников в 1177 г. – как реальное или как литературное (имитация «вынимания очей») –

его современники, остаётся гадать. За рамками данного исследования остаётся вопрос о развитии сведений по истории Руси в XII–XIII вв. в последующей летописно-литературной традиции, приобретении новых смыслов и акцентов. А они значительно повлияли уже на историков XIX–XX вв., как это показал П.Н. Милоков в своём классическом труде «Главные течения русской исторической мысли»².

При таком пессимистическом прогнозе определения границ поколений в раздробленной Руси с помощью знаковых событий упор надо сделать на схожесть поведения, определяемого поступками, характером действий князей. Выражением, олицетворением поколения может быть выбран любой князь, о котором в источниках имеется достаточное число сведений. Для удобства в данном тексте поколения обозначаются фигурами князей Северо-Восточной Руси [1, с. 41–42], хотя, например, братья Андрей Боголюбский и Всеволод Большое Гнездо, на наш взгляд, относятся к разным поколениям (см. ниже). Юрий Владимирович (Долгорукий) (1125–1157) неразрывно связан с современниками – сводными племянниками Мстиславичами, черниговскими князьями Всеволодом и Игорем Ольговичами. Это поколение, вступившее в стихию раздробленности и определившее первый ее этап, не могло поступиться общерусской ценностью Киева (он воплощал верховную власть на Руси). Но в то же время шёл процесс утверждения династий внутри отдельных земель. Всё это сопровождалось борьбой за границы, за те или иные земли, втягиванием в неё различных половецких орд. Поколение Андрея Юрьевича Боголюбского, правившего во Владимире в 1157–1174 гг., действовало тогда, когда сложилась политическая карта раздробленной Руси. В этой ситуации Андрей Юрьевич символизировал начало нового процесса – возвышение своей земли в ущерб Киеву. Ради такой цели первый владимирский князь пошёл на разорение Киева в 1169 г. и безуспешно попытался сломить Новгород. Это тоже было время решительных действий князей из разных ветвей Рюрикова дома, но только с опорой на свои земли. Тем не менее добиться коренного изменения Андрею Боголюбскому не удалось. Следующее поколение выражено фигурой Всеволода Большое Гнездо, княжившего в 1176–1212 гг. Это было время борьбы крупных, осознавших свои интересы княжеских кланов – черниговских, смоленских, волынских князей. Ситуация в политической борьбе характеризовалась переходами от неустойчивого мира до доминирования одной какой-то силы и невольного объединения против неё всех остальных

группировок. Сын Всеволода Большое Гнездо – Георгий (Юрий) (1212–1216, 1218–1238) – представляет поколение своих братьев, и прежде всего Ярослава, шурина – черниговского князя Михаила Всеволодовича, Даниила Романовича (Галицкого), смоленского князя Владимира Рюриковича. Они по яркости и масштабности действий уступают «отцам» и «дедам» – Андрею Боголюбскому, Всеволоду Большое Гнездо, Всеволоду Чермному, Роману Мстиславичу Галицкому, Мстиславу Удатному. «Отцы» действовали грубыми и силовыми методами. «Дети» же предпочитали уклоняться внутри Руси от открытых конфликтов, достигали целей «тихим наступлением», договорённостями.

Внутри того или иного поколения Рюриковичей возникали дружеские связи. Они порой оказывались сильнее, чем отношения родственников, разнесённых по поколениям. Юрий Владимирович (Долгорукий) активнее и плодотворнее сотрудничал с черниговскими князьями, нежели со своими старшими (единокровными) братьями и их детьми. Старшие Мономашичи ниже себя ставили младшего Юрия, идя на союз с его противниками, что выразилось в знаменитой фразе Вячеслава Владимировича: «азъ уже бородасть а ты еси родиль» [3, стб. 430]. И такой фактор оказывался весьма важным в условиях раздробленности, когда князей стало много, даже внутри сонма близких родственников. Всеволод Юрьевич (Большое Гнездо), родившийся в 1154 г., был младше племянников – сыновей Ростислава Юрьевича, умершего в 1151 г. [2, стб. 330; 3, стб. 418].

При фактическом равенстве князей одного поколения у части из них было формальное старшинство. Таковое было у владимирского князя Всеволода Юрьевича, что подтверждают сведения Ипатьевской летописи под 1189 г.: «немецкий царь», узнав о том, что Владимир Ярославич приходится племянником владимирскому «великому князю», переправил изгнанника «Казимиру в Ляхи веля ему доправити Галича»; после возвращения в Галич Владимир обратился к Всеволоду за поддержкой, и тот направил людей к князьям и к Казимиру, чтобы они на кресте поклялись «Галича не искати» [3, стб. 666–667]. Возможно, что этот статус великого князя Всеволода в Ипатьевской летописи определялся его родовым старшинством: Всеволод среди Мономаховичей представлял II поколение потомков Владимира Всеволодовича – внуков, а современные ему смоленские, волынские родственники – III–V; по счёту от Ярослава Мудрого владимирский князь отстоял на 4 поколения, а тогдашние Ольговичи – на 4–5.

На такие разрывы накладывалось ещё одно обстоятельство, пока что мало учтённое исследователями. Оно было связано с разными матерями сыновей одного князя. Родные братья являлись единокровными, но достаточно отчуждёнными. Поскольку князья совершали повторные браки, то потомство, рождённое в них, априори было младше детей от первого брака, и к разнице в поколениях добавлялась отчуждённость между единокровными братьями. Младшие из них росли в то время, когда старшие уже совершали походы, создавали семьи. Эти младшие княжичи могли даже не видеть своих старших единокровных братьев-князей. Духовно-эмоциональной связи между такими братьями не было. Сюда надо добавить ещё одно обстоятельство – влияние отца. Конечно, его в меньшей степени испытывали дети от второго брака.

Отношение отцов к сыновьям от первого и последующих браков было, вероятно, различным. За первенцами, очевидно, был приоритет. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов того, что между отцом и сыновьями от первого брака устанавливались более тесные эмоциональные отношения. Владимир Мономах перед смертью распорядился так, чтобы власть над Русью принадлежала старшему Мстиславу и его потомству. Младшему Юрию же была отведена Ростовская земля, в которую он был отправлен ещё мальчиком. Этими распоряжениями Мономаха точно определяется поколенческий и внутрисемейный разрыв в его потомстве. Установление факта второго брака Владимира Мономаха и рождения в нём Юрия [21, с. 585–608] позволяет ставить проблему распределения политического наследия князя-отца среди детей от первого и последующих браков вообще.

Проблема потомств двух браков Владимира Мономаха была усугублена в Северо-Восточной Руси сыновьями Юрия Владимировича уже от его двух браков. Его младший сын Всеволод-Дмитрий родился в 1154 г., а в 1157 г. Юрий (Долгорукий) умер в Киеве. Получается, что в сознательном состоянии Всеволод не общался с отцом, не получил зримого опыта поведения, реакции на вызовы. В этой связи вновь выходит на первый план опыт политической практики, полученный Всеволодом-Дмитрием во время пребывания в Византии, где он находился в возрасте от 9 до 15 лет (первое упоминание его на юге Руси после Византии в 1169 г.). Разница между Всеволодом и занявшим владимирский престол братом Андреем была равна поколению, и у них были разные матери. Поэтому Андрей Юрьевич в 1161/1162 г. достаточно легко изгнал Всеволода и мачеху из Северо-Восточной Руси [3, стб. 521]. Поэтому сам Все-

волод достаточно легко пошёл на ослепление племянников Ростиславичей, поскольку они были детьми старшего единокровного брата, которого Всеволод вообще никогда не видел. Борьба же за власть во Владимирском княжестве в 1174–1178 гг. между младшими Юрьевичами и их племянниками Ростиславичами (старшего брата Андрея Боголюбского, умершего в 1151 г.) – это борьба между представителями одного поколения, ровесниками, которые в силу жизненных обстоятельств были далеки друг от друга. Победителем в этой схватке оказался Всеволод. Именно его потомству суждено будет закрепиться в Северо-Восточной Руси и дать великокняжескую (царскую) династию.

Её история, вместе с историей царского рода Романовых, за исключением феодальной войны 1425–1453 гг. демонстрирует династическую успешность / «эффективность» сыновей от второго брака. «Младший сын» Александра Невского (от второго брака) – Даниил – станет основателем московской княжеской династии. Из потомства Ивана III династически состоится сын от второго брака Василий III. У Романовых введёт Россию в Новое время сын от второго брака – Пётр I, чья династическая победа будет закреплена только браком будущих Петра III (отпрыска дочери Петра I от второго брака) и будущей Екатерины II.

Абсолютизировать взаимную отчуждённость князей из-за принадлежности к разным поколениям не стоит. Тот же Всеволод Юрьевич опекал и помог единокровной сестре Ольге-Евфросинье (жене Ярослава Осмомысла) и её сыну Владимирку, своему сестричичу. Ольга-Евфросинья, покинувшая супруга Ярослава Владимировича (Осмомысла) из-за публичного нарушения супружеской верности, найдёт приют во Владимире-на-Клязьме и умрёт там [2, стб. 389]. Причины такой избирательности не ясны, но осознание родства (один отец, и Всеволод на тот момент – 1182/1183 г. – был уже главой рода Юрьевичей) могло здесь сказаться. Кроме того, в случае Владимирка могла действовать и логика державного положения великого князя Всеволода, старшего среди Рюриковичей.

Вывод. В истории Древней Руси в XII–XIII вв., когда увеличилось число князей, важными факторами развития их отношений и внутри одного княжеского дома, и среди семей из разных княжеств стали принадлежность князей к тем или иным поколениям и рождение в первом или последующем браках своего отца. На эти «трещины» в массиве рода Рюриковичей накладывались преследование политических интересов, личные амбиции князей, степень претензий в зависимости от уровня княжества.

Всё вместе это подрывало единство большого рода Рюриковичей. Дальнейшее исследование этих проблем на материалах не только Северо-Восточной Руси, но и в домах черниговских, смоленских, волынских князей позволит скорректировать выводы данного исследования.

Примечания

1. Обсуждения выступлений, замечания, вопросы и предложения коллег нашли отражение в данном тексте. Замечания коллег А.А. Горского, П.В. Лукина на конференции «Русь, Россия: Средневековье и Новое время» учтены, но автор своей позиции не изменил.

2. См.: «Когда ... русская историография начала постепенно осиливать свои источники, – источники эти встретили исследователя со своим, готовым взглядом, сложившимся веками. Немудрено, что эта готовая нить, предлагавшаяся самими источниками, вела исследователя по проторенным путям и складывала для него исторические факты в те же ряды, в какие эти факты уложились в свое время в умах современников. Таким образом, исследователь воображал делать открытия, осмысливать историю, а в сущности он шел на помочах наших философов XV и XVI столетия» [22, с. 158–159].

Список литературы

- Кузнецов А.А. Поколенческо-временной подход в изучении истории раздробленной Руси (на примере владимирских Рюриковичей) // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 6. М.: Изд-во Московского ун-та, 2019. С. 40–43.
- Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. I. М.: Языки русской культуры, 1997. 496 с.
- Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. М.: Языки русской культуры, 1998. 605 с.
- Толочко А.П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев: Наукова думка, 1992. 224 с.
- Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. 320 с.
- Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2000. 326 с.
- Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. В 5 кн. Кн. 3. Бытие и быт. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. 400 с.
- Новгородская первая летопись // ПСРЛ. Т. III. М.: Языки русской культуры, 2000. 720 с.
- Гиппиус А.А., Михеев С.М. Надпись об убийстве Андрея Боголюбского из Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3(69). С. 31–32.
- Сукина Л.Б. Граффито с поминанием князя Андрея Боголюбского на абсиде Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском: проблемы интерпретации происхождения, смысла и назначения текста // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 3. С. 49–56.

11. Толочко П.П. Дворцовые интриги на Руси. СПб.: Алетей, 2003. 224 с.
12. Милютенко Н.И. Рассказ о прозрении Ростиславичей на Смядыни (к истории смоленской литературы XII в.) // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XLVIII. СПб., 1993. С. 121–128.
13. Кузнецов А.А. О происхождении даты «прозрения» Мстислава и Ярополка в русском летописании // Вестник Удмуртского университета. 2008. Серия 5: История и филология. Вып. 2. С. 33–46.
14. Экштут С.А. Битвы за храм Мнемозины: Очерки интеллектуальной истории. СПб.: Алетей, 2003. 320 с.
15. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство–СПБ, 2011. 413 с.
16. Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М.: Аспект Пресс, 2001. 339 с.
17. Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). М.: Аспект Пресс, 2001. 389 с.
18. Данилевский И.Н. Герменевтические основы изучения летописных текстов. Повесть временных лет. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2019. 448 с.
19. Гимон Т.В. Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси. Сравнительное исследование. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2012. 696 с.
20. Гимон Т.В. Тематика сообщений Лаврентьевской летописи (текст за 1156–1263 гг.) // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 6. Ч. 3. С. 42–47.
21. Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М.: Языки русской культуры, 2001. 784 с.
22. Милюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. М.: Юрайт, 2018. 303 с.

DESTRUCTIVE FACTORS IN THE HISTORY OF THE CLAN UNITY OF THE RURIKOVICHI DURING THE 12TH AND 13TH CENTURIES

А.А. Kuznetsov

The article considers the issues of recognition by princes of Old Rus' of their clan unity and exclusion from political practice of the idea of killing a prince. Some factors that undermined this clan unity of Rurik's descendants are considered in relation to the period of fragmentation of pre-Mongol Rus'. The first factor is associated with the change of princes' generations in the interval of 25 to 30 years, and the relations of princes belonging to different generations. Methodological difficulties of studying this factor are considered along with those related to the scarcity of sources. The second factor is related to the presence of a number of princes' sons from two marriages. Children from the second marriage were not only half brothers of the elders, but also belonged to the next generation. These problems are discussed using mainly the material of the history of North-Eastern Rus' in the 12th and 13th centuries.

Keywords: Rurikovich, clan unity, generation, (half)stepbrothers, rejection of murder, Old Rus', North-Eastern Rus', Yuri Dolgoruky, Andrey Bogolyubsky, Vsevolod Bol'shoe Gnezdo.

References

1. Kuznetsov A.A. Pokolenchesko-vremennoj podhod v izuchenii istorii razdrobленноj Rusi (na primere vladimirskih Ryurikovichev) // Rus', Rossiya: Srednevekov'e i Novoe vremya. Vyp. 6. М.: Изд-во Московского ун-та, 2019. С. 40–43.
2. Lavrent'evskaya letopis' // Polnoe sobranie russkikh letopisej (PSRL). Т. I. М.: Языки русской культуры, 1997. 496 с.
3. Ipat'evskaya letopis' // PSRL. Т. II. М.: Языки русской культуры, 1998. 605 с.
4. Tolochko A.P. Knyaz' v Drevnej Rusi: vlast', sobstvennost', ideologiya. Kiev: Naukova dumka, 1992. 224 с.
5. Lihachev D.S. Chelovek v literature Drevnej Rusi. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2015. 320 с.
6. Kolesov V.V. Drevnyaya Rus': nasledie v slove. Mir cheloveka. SPb.: Filologicheskij fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2000. 326 с.
7. Kolesov V.V. Drevnyaya Rus': nasledie v slove. V 5 kn. Kn. 3. Bytie i byt. SPb.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 2004. 400 с.
8. Novgorodskaya pervaya letopis' // PSRL. Т. III. М.: Языки русской культуры, 2000. 720 с.
9. Gippius A.A., Miheev S.M. Nadpis' ob ubijstve Andreya Bogolyubskogo iz Spaso-Preobrazhenskogo sobora v Pereslavle-Zalesskom // Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. 2017. № 3(69). С. 31–32.
10. Sukina L.B. Graffito s pominaniem knyazya Andreya Bogolyubskogo na abside Spaso-Preobrazhenskogo sobora v Pereslavle-Zalesskom: problemy interpretacii proiskhozhdeniya, smysla i naznacheniya teksta // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2018. № 3. С. 49–56.
11. Tolochko P.P. Dvorcovye intrigi na Rusi. SPb.: Alerteja, 2003. 224 с.
12. Milyutenko N.I. Rasskaz o prozrenii Rostislavichev na Smyadyni (k istorii smolenskoj literatury XII v.) // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. Т. XLVIII. SPb., 1993. С. 121–128.
13. Kuznetsov A.A. O proiskhozhdenii daty «prozreniya» Mstislava i Yaropolka v russkom letopisanii // Vestnik Udmurtskogo universiteta. 2008. Seriya 5: Istoriya i filologiya. Vyp. 2. С. 33–46.
14. Ekshut S.A. Bitvy za hram Mnemoziny: Oчерki intelektual'noj istorii. SPb.: Alerteja, 2003. 320 с.
15. Lotman Yu.M. Besedy o russkoj kul'ture: Byt i tradicii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka). SPb.: Iskusstvo–SPB, 2011. 413 с.
16. Danilevskij I.N. Drevnyaya Rus' glazami sovremennikov i potomkov (IX–XII vv.). М.: Aspekt Press, 2001. 339 с.

17. Danilevskij I.N. Russkie zemli glazami so-vremennikov i potomkov (XII–XIV vv.). M.: Aspekt Press, 2001. 389 s.

18. Danilevskij I.N. Germenevticheskie osnovy izucheniya letopisnyh tekstov. Povest' vremennyh let. SPb.: Izd-vo Olega Abyshko, 2019. 448 s.

19. Gimon T.V. Istoriopisanie rannesrednevekovoj Anglii i Drevnej Rusi. Sravnitel'noe issledovanie. M.: Universitet Dmitriya Pozharskogo, 2012. 696 s.

20. Gimon T.V. Tematika soobshchenij Lavrent'evskoj letopisi (tekst za 1156–1263 gg.) // Vestnik Nizhegorodskogo un-ta im. N.I. Lobachevskogo. 2012. № 6. Ch. 3. S. 42–47.

21. Nazarenko A.V. Drevnyaya Rus' na mezhdunarodnyh putyah: mezhdisciplinarnye ocherki kul'turnyh, torgovyh, politicheskikh svyazej IX–XII vv. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 2001. 784 s.

22. Milyukov P.N. Glavnye techeniya russkoj istoricheskoy mysli. M.: Yurajt, 2018. 303 s.